

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты печатаются с сохранением особенностей орфографии эмигрантских изданий тех лет (падение буквы “ер”, использование букв “ять”, “и-десятеричное” и др.).

<I>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Русская мысль. 1951. 9 февраля)

ВДОВА ДОСТОЕВСКОГО К 70-ЛѢТИЮ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ Страница воспоминаній

30 ноября 1916 года послѣ моей публичной лекціи о Достоевском в петербургском Тенишевском концертном залѣ, мнѣ посчастливилось получить от вдовы великаго писателя очень милое и скромное приглашеніе к ней. Когда я при случайной встрѣчѣ сообщил талантливому критику Корнѣю Чуковскому, до сих пор работающему у большевиков, о предстоящей мнѣ интересной и драгоцѣнной бесѣдѣ, он рѣшительно сказал:

— Имѣйте в виду, что вдова Достоевскаго теперь окончательно причислила его для себя къ лику святых. В ея благоговѣйном воображеніи он рисуется каким-то простым и уютным обывательским дядей без всяких сатанинских соблазнов и без всяких мучительных противорѣчій. Я, правда, могу судить об Аннѣ Григорьевнѣ только по обрывочным мимолетным свѣдѣніям, устным и печатным... Завидую вам, что вы ее посмотрите и послушаете вблизи...

Заочныя впечатлѣнія К. И. Чуковскаго оказались несовсѣм совпадающими с истиной.

**

*

Предо мной была барски-изящно обставленная квартира в домѣ великаго князя Михаила Николаевича около Панаевского театра, квартира, о которой никогда не смѣл и мечтать Достоевскій. Вездѣ строгій красивый порядок, повидимому, заботливо охраняемый женственно-хозяйственной рукой. В этом домѣ все подчиняется охотно давним культурным навыкам, все ходит неуклонно по стрункѣ. Был ясный морозный день. Веселые солнечные лучи свѣтили в высоких просторных комнатах на многочисленные портреты и статуэткі Достоевскаго и создавали духовную атмосферу, ни в чем не совпадающую с траурной симфоніей его геніальнаго мятежнаго духа.

Хозяйка дома очень бодрая и моложавая для своих 70-ти лѣтъ, встрѣтила меня с ласковой простотой истиннаго нравственнаго аристократизма.

Сначала мы с А. Г. как-то комически боялись друг друга: она опасалась, что я собираюсь по-профессорски ее срѣзать «на недостаточном знаніи твореній Достоевскаго», а я страшился задѣть каким-нибудь неосторожным словом иную наболѣвшую струну ея любящаго супружескаго сердца. На прощаніе мы сознались взаимно-откровенно в этом вступительном недоразумѣніи.

Когда между нами установилась нѣкоторая непринужденная и уютная короткость, А. Г. сказала мнѣ с грустной улыбкой:

— Вот как теперь это просто выходит: захотѣли мы выпить кофе, ну и пьем его всласть и вдоволь... вам покрѣпче, мнѣ послабѣе... а если бы вы знали какой мучительной драмой в жизни Ф. М. бывало всегда это самое кофе... Он, как Бальзак, совсѣм не мог работать без очень крѣпкаго кофе, а вѣдь столько раз мы по безденежью не могли достать этот драгоценный напиток! Вѣдь уже за полгода до смерти, на высотѣ признанія и славы, мой муж был приглашен московским городским управленіем участвовать в торжествах по открытію памятника Пушкину... Отвели ему, как почетному гостю, отличный номер в Лоскутной гостиницѣ с полным продовольствіем... все совсѣм бесплатно, утром подают кофе и, о ужас! — недостаточно крѣпкое, а он из деликатности так и не рѣшился попросить другаго... По недостатку средств я не могла поѣхать с ним в Москву и в разлукѣ терзалась нестерпимо, вѣдь приходилось беспокоиться ужасно, что с ним случится припадок падучей болѣзни, а меня не будет около...

**

*

— Скажите, А. Г., этот роковой недуг начался у Ф. М. послѣ того, как в 1849 г. он на эшафотѣ ждал расстрѣла?

— Нѣтъ, это — не так. Первый припадок эпилепсіи произошел у него за 10 лѣтъ до этого, в 1839 г., когда он узнал, что крестьяне-бунтари убили его отца.

— Можно-ли было предугадать наступленіе припадка и подготовиться к нему?

— Нѣтъ, это было невозможно. Я должна была постоянно слѣдить за моим мужем, и притом слѣдить так, чтобы он этого не замѣчал. Падал он неожиданно-негаданно, гдѣ придется и порою страшно разбивался.

— Вѣроятно, нужно было охранять Ф. М. от всяких сильных волненій, а это было при его трепетно-впечатлительной натурѣ недостижимо?

— Вот именно в этом и было мое главное горе. Иные наши нечуткіе знакомые этого не понимали. Один раз в концѣ 70-х гг. постигла нас такая страшная несправедливость. Пригласили нас на парадный вечер Майковы. Ф. М. был этим очень польщен и все мнѣ радостно повторял: «ну вот, Анюточка, ты как раз одѣнешь в гости новое пальто, оно и теплое и нарядное... всѣ увидят, что муж тебя любит и балует». Наступил час отъѣзда к Майковым.

Я жмусь в темном уголкѣ передней, ни жива, ни мертва: пришлось одѣть рваненькій бурнусик, так как новое-то пальто я уже снесла тихомолком в ломбард, чтобы купить хорошаго кофе. Муж очень строго спрашивает: а гдѣ же новое пальто? Я молчу, опустив глаза. Тогда он, смертельно поблѣднѣвъ, крикнул раздирающим голосом: «а понимаю — ты его продала или заложила, чтобы кормить меня, злодѣя!... Я заѣдаю твой вѣкъ, я загоняю тебя в гроб...» Он упал на колѣни, цѣловал мои ноги, и через минуту случилось то, чего я всего болѣе боялась на свѣтѣ — он забился в страшном припадкѣ падучей болѣзни. Итти в гости было невозможно. Потом у Майковых, Полонских и Мещерских говорили, что Достоевскіе заважничались, зазнались и потому пренебрегли любезным приглашеніем...

**

*

— Простите, дорогая А. Г., если я предложу вам вопрос и не совѣм деликатный...

— Я вас прошу со мной ничуть не церемониться.

— Сердечно вас благодарю. Извѣстно теперь всему міру, что 2-й брак Достоевскаго был вполнѣ счастливым и что он восторженно вас любил. Достоевскій, как никакой другой великій художник слова, изобразил в своих твореніях всю огненную силу половой ревности в самых жутких и разрушительных ея проявленіях. Скажите, самому Ф. М. была-ли свойственна супружеская, стихійная и бурная ревность по отношенію к вам?

— О, да, в сильнѣйшей степени. Он дорожил моей вѣрностью, как ничѣм другим на свѣтѣ и все мучительно тревожился, что, в виду большой между нами разницы лѣтъ, вѣдь — цѣлых 25, — я могу, хотя бы мимолетно, увлечься кѣм-нибудь другим. Один раз мнѣ пришла несчастнѣйшая мысль пошутить над мужем в этом отношеніи крайне неосторожно: я списала из какого-то глупаго бульварнаго романа, измѣнив, конечно, насколько умѣла, свой почерк, анонимное письмо, в котором невѣдомый доносчик совѣтует ревнивому мужу заглянуть в женин медальон, носимый на груди. Получив мое коварное посланіе Ф. М., мгновенно позабыв всѣ спѣшныя дѣла, сейчас же приступил к самому грозному допросу: покажи, Анюта, чей ты портрет носишь на груди? Я стала дрожащими и потому неловкими руками отстегивать медальон. Муж нетерпѣливо-безумно рванул цѣпочку и чуть-чуть меня не задушил... Убѣдившись, что портрет в медальонѣ — его собственный и узнав, что это я — авторша рискованной продѣлки, он сказал мнѣ упавшим голосом: никогда не шути так, Анюта. Ты видѣла — я едва тебя не убил.

— Да, за 14 лѣтъ нашего супружества мы были безупречно вѣрны друг другу. На смертном одрѣ своем он сказал мнѣ, что никогда даже в мыслях не измѣнял мнѣ. То же самое от всей души под самой страшной присягой

могла бы сказать ему я. Безконечно счастлива и горда теперь я тѣм, что была женой Достоевскаго и хоть немножко облегчила ему его тяжкую жизнь...

В. Сперанскій

<II>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Русская мысль. 1956. № 860. 14 февраля). Эта публикация частично повторяет предыдущую, написанную В. Н. Сперанским к 70-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Публикуются отрывки, отсутствующие в тексте, размещенном выше; повторяющийся текст опущен и обозначен знаком сокращения <...>.

**ВДОВА ДОСТОЕВСКАГО
К 75-ЛѢТІЮ ЕГО КОНЧИНЫ**

40 лѣт назад мнѣ удалось по счастливой случайности быть принятым в домѣ А. Г. Достоевской и имѣть с нею наединѣ долгій и почти откровенный разговор о ея великом мужѣ. Как потом выяснилось, мнѣ пришлось быть послѣдним русским литератором, имѣвшим такую, цѣнную для исторіи, бесѣду со вдовой знаменитаго писателя. А. Г. взяла с меня слово, что до ея кончины я не опубликую ничего из сдѣланных ею мнѣ интимных сообщеній. Она умерла в Ялтѣ в 1918 г., а в январѣ 1924 г. на страницах совѣтскаго журнала «Печать и революція» я с изумленіем увидѣл отрывок из воспоминаній А. Г. Достоевской со ссылкой на устные мои показанія об отзывах Толстого о Достоевском, полных любви и уваженія. Очевидно ея домашній петербургскій архив попал, хотя бы частично, в руки коммунистических редакторов.

30 ноября 1916 г., послѣ моей публичной лекціи о Достоевском в Концертном Тенишевском залѣ, ко мнѣ в артистическую пришел пожилой господин важнаго сановнаго вида и сказал мнѣ холодно и строго:

— Позвольте представиться: Достоевскій — родной племянник писателя. Я нахожу, что в своей лекціи вы слишком мрачно изобразили дѣтство Ѳедора Михайловича. Его вдова могла бы многое вам возразить. Это, моя тетушка, не пріѣхала сегодня вас слушать, по причинѣ болѣзни единственнаго сына. Она давно хотѣла бы с вами познакомиться. Угодно вам пойти навстрѣчу этому желанію А. Г.? Я вам это устрою, как только поправится мой кузен Андрей Ѳедорович.

<...>

— Я увѣрен, А. Г., что, если когда-нибудь у вас возникали напрасныя сомнѣнія в сердечной вѣрности вашего мужа, то вы их переживали тихо и задушевно.

— Да, почти всегда... Должна сознаться, что ревновала я его даже к знаменитой французской писательницѣ Жорж-Занд, которую он никогда не видѣл, но которую всегда особенно высоко почитал.

— А кого из русских писателей Федор Михайлович ставил выше всѣх?

— Конечно Льва Толстого и признавал его несравненной божественной силой, которой предстоит будущее безпримѣрное.

Канны. Валентин Сперанскій.

<III>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Народная правда. 1952, апрель)

Судьба внука Ф. М. Достоевского

Во Франции живет, жившая до 1943 года в СССР, Екатерина Петровна Достоевская, вдова Федора Федоровича Достоевского, сына писателя. Как известно, у Федора Михайловича Достоевского было четверо детей, последняя из них, Любовь Федоровна, скончалась за границей, в Триесте. Федор Федорович скончался в начале революции. Его сын, Федор, умер в Симферополе 14-го октября 1921 года, в возрасте 16 лет. Перу этого исключительно одаренного мальчика принадлежит ряд стихотворений, которые переданы редакции Екатериной Петровной. Мы считаем необходимым предпослать этим стихотворениям очерк о Федюше Достоевском, составленный его матерью, Екатериной Петровной.

Ред.

О моем сыне

Федюша Достоевский родился 22-го августа 1905 года семимесячным ребенком, что чрезвычайно отразилось на его организме. При малейшем заболевании — он сразу слабел и как-бы не мог бороться с недугом. Умственное же его развитие, наблюдательность, интерес к книге, рисункам и природе — были необычайны. Игрушки и детские игры со сверстниками его не интересовали, но если для детей устраивали живые картины или ставили пьески, он не только участвовал, но и писал их, выступал со своими стихами, перекладывал их на музыку и режиссировал.

Революция, и как следствие ее, потеря всего нашего состояния, квартиры, имущества — его глубоко поразили, но вернее не как грядущая бедность, а как ужас, что мне, его матери, которую он болезненно любил, придется тяжело работать. Это так повлияло на него, что он сразу же из чрезвычайно развитого, но мальчика, стал взрослым. Всѣ детские были забыты, он стал моим другом и переживал со мной все невзгоды. Со времени этого умственного перелома он стал писать стихи. Любовь его к России была необычайна (как и у всей моей семьи).

Федюша был глубоко верующим; когда всё стихало в доме, стоя на коленях перед своими иконками, он долго и горячо отдавался своей молитве. Мы спали с ним в одной и той-же комнате, наши кровати стояли одна против другой. Безмерно любя меня, он боялся, что я сравнительно слабого здоровья,

(у меня было тогда два воспаления легких одно за другим), могу умереть. Не раз просыпаясь ночью, чувствуя чье-то присутствие, я при свете лампы, видела Федюшу, стоящего надо мной и молящегося. Смущенный моим вопросом, почему он не спит, он всегда отвечал, что ему показалось, что я его звала.

1-го октября 1921 года вечером, когда у нас была в гостях наша родственница, доктор, - Федюша был очень тихим, но все же захотел мне помочь и мыл мою кофточку. Его бледность и необычайно блестящие глаза испугали меня — температура оказалась 37,7, на другой день 38,0. Федюша сразу поддался болезни и приглашенный лучший в городе доктор сказал, что боится тифа, который в это время свирепствовал. Федюша лежал все время в полузабытии, не ел и его даже нельзя было заставить больше пить, как настаивал доктор. 12-го он стал заговариваться и метаться. Консилиум сказал страшное слово «менингит». Даже в бреду он звал меня и с отчаянием кричал: «где мама, мамы нет, кому я теперь нужен?!» В 4 с половиной часа ночи с 13-го на 14-е октября, Федюша затих и в 6 час. утра его не стало, он тихо умер...

За нашим домом начинался пригород и по моей просьбе, крестьяне Совета, которые относились к нам очень хорошо, разрешили похоронить Федюшу на их кладбище, в 10 минутах ходьбы от нашего дома, и предоставили мне выбрать место. Я выбрала зеленую цветущую долину, простирающуюся до Чатырдага. Хоронил его соборный священник, наш друг, это было время, когда церкви были еще открыты. Присутствовало много крестьян. На месте его погребения, огороженном (мною и сестрою) камнями, стоит (или стоял?) цоколь из белого севастопольского камня с крестом наверху. На цоколе было вырезано: «Федюша Достоевский, родился 22 августа 1905 года, скончался 14-го октября 1921 года» и ниже строфа из его стихотворения: «...Ряд подавленных в сердце рыданий».

Екатерина Достоевская

МАМЕ

Спи, пока тяжкое время пройдет,
Спи, пока вокруг так все грустно, уныло,
Спи, пускай сердце твое отдохнет,
Только бы горе его не разбило.
Спи, пока солнце надежды взойдет,
Спи, пока буря невзгод пронесется,
Спи, пока снова сомненье пройдет
Верь мне, что счастье и радость вернется.
(1917 г. 12-ти лет).

ВАРЯГАМ

Пояснение к этому стихотворению

Мы жили на юге, в портовом городке; кругом пылали усадьбы, горели хутора, дома, бежали люди и скот; мы сами подвергались опасности, как «интеллигенты»; в это время на рейд пришел американский военный крейсер; капитан, узнав от кого-то, что я говорю по-английски, прислал ко мне своих двух лейтенантов, прося помочь ему как переводчица. Представившаяся ему картина происходившего потрясла его, он увидел не мирный переход к другому правлению, а ужас самовластья, с которым бороться было нельзя. Капитан предложил нам уехать на его крейсере в Константинополь, но имея на руках умирающую мать, мы отказались.

Е. Д.

Придите снова, правьте нами,
Уймите бешеную страсть!
Конец пусть будет меж враждами
И будет каменная власть!
Идите-же вперед вы смело
За правое, святое дело.
И если гнусный враг падет
И вновь Россия зацветет,
Тогда за вас, спасители варяги,
Подыдем мы по полной чаше браги!
(1920 г. 14-ти лет).